

Российский государственный педагогический университет им. А.И.Герцена
Петербургский институт иудаики

ТЕКСТОЛОГИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ В XX ВЕКЕ

Материалы международной научной конференции

Санкт-Петербург
2006

**«КАНОНИЧЕСКИЙ ТЕКСТ»
И ЖУРНАЛЬНЫЙ ВАРИАНТ:
НА ПРИМЕРЕ СТИХОТВОРЕНИЙ
В. НАРБУТА «ЕДА» И В. ЦВЕЛЕВА «ЛЕС»**

Определение канонического текста советской литературы затруднено тем, что динамика текста часто вызвана внелитературными причинами, цензурными и автоцензурными соображениями. Здесь каноническим назван текст стихотворения, принятый самим автором к изданию в собственном сборнике.

В 1930-е годы создается огромное количество литературных журналов, на страницах которых получили возможность печататься литераторы разных направлений. В то же время формат советского журнала начинает диктовать жесткие требования к публикуемым текстам: простая форма, доступная массовому читателю, содержание, пропагандирующее советских достижений и воспитывающее нового человека. Таким образом, журнальный вариант — изначально более нормированный текст, подгоняемый под политику издания. В книге у автора сохранялось больше свободы выражения: книга несет отпечаток авторской индивидуальности, особенно это было важно в эпоху модернизма.

Если сравнивать журнальный вариант с книжным, то можно выделить две противоположные писательские стратегии при редакции текстов. В одном случае, в книжной редакции автор пытается отстаивать свою индивидуальную манеру, это характерно для поэтов, сформировавшихся в досоветский период и с изменением литературно-общественной ситуации пытающихся стать «советскими». Противоположная стратегия заключается в том, что автор через некоторое время отказывается от прежних творческих установок, так как они были признаны советской критикой ошибочными, он редактирует свои ранние тексты, определяя всю свою поэтику в рамках социалистического реализма. Писатель сознательно переписывает свою поэтическую биографию, создает в восприятии читателей «образ автора» неидентичный настоящему. Сложная творческая и издательская история текстов предполагает сопровождение их публикации текстологическим комментарием, иначе для читателя становится невозможным адекватное понимание творческой эволюции писателя.

Примером первой стратегии является отношение к журнальному и книжному текстам Владимира Нарбута, вторую стратегию использовал Василий Цвелев.

В 1930-е годы недавний бунтарь, разрушающий эстетические каноны модернизма, Владимир Нарбут ломает свою поэтику, пытаясь соответство-

вать требованиям социалистического реализма. В 1933–1934 годах после довольно продолжительного молчания Нарбут вновь начинает активно печатать на страницах журналов свои произведения, представляющие собой агитационные стихи и тексты в русле «научной поэзии». Стихотворение Нарбута «Еда», опубликованное в журнале «Красная новь»¹, совмещает в себе эти два направления.

Одновременно Нарбут помещает вариант этого стихотворения в свою новую книгу — «Спираль»², так и не увидевшую свет при жизни автора. В книжном варианте (КВ) Нарбут подчеркивает характерные особенности своей прежней поэтической манеры, снятые или заглушенные в журнальном варианте (ЖВ): использование украинизмов, усложнение поэтики, грубый с яркими натуралистическими описаниями стиль.

Начало стихотворения, где с натуралистическими подробностями изображается процесс приготовления и поглощения пищи, в обоих текстах практически совпадает. Различаются лишь некоторые словоупотребления, но именно они характеризуют индивидуальную манеру Нарбута, выявляя черты, свойственные его прежней поэтике. Так, *курносая повариха* журнального текста становится *кирпатовой*, Нарбут использует в качестве определения украинизм, с одной стороны, затрудняющий восприятие текста, но с другой — создающий нарбутовский колорит. Книжный вариант отличается инверсированными синтаксическими конструкциями, усложненной тропикой. Так, эпитет журнального варианта заменяется сравнением:

И, оборвавшись, падает на скатерть
Большая капля с розовой губы...
(ЖВ)

И, оборвавшись, падает на скатерть
Сережкой капля с розовой губы...
(КВ)

Но прежде всего различия обнаруживаются в поэтической интонации: натуралистический стиль журнального варианта сглажен, в то время, как в книжном варианте стиль подчеркнуто грубоват и даже эпатажен. Например, избегая тавтологии в книжном варианте, Нарбут создает вызывающий, но в то же время более телесный, зримый образ:

К губам, ко рту спешат
не только хлебы..
(ЖВ)

К дыре во рту спешат
Не только хлебы..
(КВ)

В книжном варианте отдается предпочтение физиологической лексике, стих стремится к «научности»:

На жизнь мозгов и сердца тратим
ярьсть,
Смерть кипятим на дне своих
реторт...(ЖВ)

На жизнь расходуем *гормонов* ярьсть
Смерть кипятим на дне своих ре-
торт...

Физиологические описания составляют в стихотворении отдельный сюжет: сначала человек поглощает пищу — потом сам становится едой. Между тем единство описания постоянно нарушается, перебивается, разрушается вставками-клише, прославляющими советское сегодня и завтра. Описывая разнообразную снедь, автор уверен, что

Изобилье
Идет к нам
Поступью
Двух — трех годов! (ЖВ)

Изобилью
В шестой
И грунт
Содействовать готов! (КВ)

Возможно, что только благодаря пропагандистским строкам, «правильным» советским образам и мотивам это стихотворение, насыщенное натуралистическими описаниями, было допущено в печать, ведь в это время уже развернулась борьба с натурализмом.

Концовка стихотворения в журнальном варианте актуализирует именно этот советский план текста. Советская литературная политика определяла утилитарную установку текстов, напечатанных в журналах — органах пропаганды советских идей. Поэтому в финале стихотворения Нарбута внимание от мотива еды переключается на прославление крематория:

Нет, уж плыви в кубическое зданье,
Где сферу музыки потряс гобой, -
Негорестное будет расставанье
Камей-дочери с таким тобой.
Пусть, известью сияя,
Крематорий
Заглянет люком в зал:
— Он здесь? Который?
Пусть сельдерей, заластившись, тайком
Тебя покроет кружевным венком.

Мы по домам пойдем, народ веселый,
С наукой — комсомолией в ладу, —
и будем вспоминать, За разносолы
Садясь,
Тебя,
Работу
И еду. (ЖВ).

Необходимо заметить, что в начале 1930-х годов на страницах газет и журналов часто печатались произведения, содержащие рекламу недавно от-

крывшегося крематория. Так, в 1930 году в «Молодой гвардии» опубликовано стихотворение В. Лозина «Гробовщик», где есть такие строки:

В Москву поеду умирать...
В Москве построен крематорий³.

В книжном варианте стихотворения Нарбута финал абсолютно другой, он осложнен для восприятия: появляется авторский голос, коллизия выводится на другой уровень — отношение к еде определяет отношение к жизни. При этом «советские» вставки в начале сохранены.

Сопоставительный анализ двух вариантов ясно показывает, что Нарбут пытается найти компромисс между двумя взаимоисключающими поэтиками: эпатажной модернистской и канонизированной советской. Обе попытки не удалась — в каждом случае преобладает одна из антагонистических поэтических систем, а элементы чуждой эстетики разрушают единство текста.

Другой, противоположной стратегии следовал один из известных в советское время, но почти забытых сегодня поэтов Василий Алексеевич Цвелев. Его стихотворения публиковались на страницах «Комсомольской правды», «Литературной газеты», в журналах «Октябрь», «Красная новь», «Молодая гвардия», «Земля советская», «Красное студенчество». При журнале «Красное студенчество» был организован литературный кружок, где Василий Цвелев был старостой, а руководителем — Илья Сельвинский, воспитывающий там «констромольцев». Поэтому в стихах раннего Цвелева очевидно влияние конструктивизма: прозаизация поэзии, освоение особых пластов лексики, стремление к фабульности, монтажность изображения. Одним из таких ранних стихов является стихотворение «Лес»⁴, впервые напечатанное в журнале «Молодая гвардия» в 1930-ом году. В журнальной редакции стихотворение «Лес»⁵ содержит как элементарные языковые ошибки, так и эпигонское воплощение конструктивистских принципов.

В стихотворении автор пытается имитировать традиционную поэзию, насыщая текст туманными метафорическими образами. Непреднамеренное разрушение этой поэтической ткани, начатое бедной рифмой *пихт-пихт* и неясностью образов, поддержанное стилистической путаницей, достигает своего апогея в сравнении, где допущена грамматическая ошибка:

Се́мидесятисантиметровый кряж	Се́мидесятисантиметровый кряж
Лежит, как <i>убитая лось</i> . (ЖВ)	Лежит, как <i>убитый лось</i> . (КВ)

Если эта очевидная грамматическая ошибка была исправлена в поздней редакции, то бедная рифма и неясность образов были сохранены.

Но кроме речевых ошибок, писатель избавляется от всех конструктивистских черт. В журнальном варианте на разных уровнях текста происходит разрушение поэтической структуры. В журнальном варианте текст

разбит на двуступишия, что нарушает формальный признак строфы (ритмическую цельность), так как здесь использована не смежная рифмовка, характерная для двуступиший, а перекрестная. Таким образом строфа теряет ритмическую завершенность. Но в то же время деление на двуступишия придавало внешнюю динамику тексту. В книжной редакции двуступишия заменены катренами. Присутствует в первоначальном варианте и нарушения в поэтической графике: слово *иди* разбито на буквы, тогда как для передачи крика слово разбивается на звуки:

А ты, завод, строевое сырье
И-д-и, получи сполна! (ЖВ)

А ты, завод, строевое сырье
Иди, получи сполна! (КВ)

В начале стихотворения речь рабочих противопоставлена поэтизирующему восприятию героя-журналиста: метафорическое описание в традиционном стиле целенаправленно разрушается разговорными интонациями: неполные предложения, просторечная лексика *айда, день гулевой*. Далее антитеза поэзии и прозы снимается. В конце разговорная интонация становится преобладающей и в авторской речи. В книжном варианте в целом сохраняется смешение стилистических пластов: поэтические метафоры сталкиваются с разговорной лексикой. Правке подверглись только те строки, где слова разных лексических рядов образуют явную стилистическую какофонию и смысловую неясность, порождающую неумышленную иронию. Сохраняя сравнение черемухи с княжной, Цвелев в следующей строфе заменяет устаревшее слово *барышня*, имеющее негативную коннотацию в восприятии советского человека, на нейтральное слово *девушка*, тем более что номинация *татарская барышня* кажется несколько ироничной:

Татарские *барышни* в красных штанах
Выносят на пристань кумыс. (ЖВ)

Татарские *девушки* в красных штанах
Выносят на пристань кумыс.

И если эти черты во многом только формально передавали конструктивистскую поэтику и даже разрушали структуру текста, то монтажность изображения была одним из основополагающих принципов этого направления, и механическое изъятие таких строк из стихотворения говорит о категоричной установке автора отказаться от своих прежних эстетических принципов. Об этом свидетельствует и стремление сгладить стиль заменой эмоционально-окрашенных слов на нейтральные, жертвуя при этом яркостью изображения и сочностью языка:

И перед *нижневолжской шпаной*
проходят гуськом сплавщики. (ЖВ)

И перед *нижневолжской волной*
проходят гуськом сплавщики. (КВ)

Таким образом, несмотря на то, что журнальный вариант содержал много ошибок разного характера, его стиль отличается большей индивидуальностью, чем стиль поздней редакции. История текста наглядно показывает эволюцию творческого метода советского писателя: от конструктивизма к социалистическому реализму.

И если в случае В. Нарбута признание каноническим книжного варианта не вызывает сомнений, то в случае с В. Цвелевым определить канонический текст проблематично, а гипотетическая публикация поздней редакции требует текстологического комментария, содержащего историю текста.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Нарбут В. Еда//Красная новь. 1934. № 2. С. 128–129.
- 2 Книжный вариант цитируется по книге: Нарбут В. Стихотворения. М., 1990. С. 333–336.
- 3 Лозин В. Гробовщик//Молодая гвардия. 1930. № 6. С. 64. Первый крематорий, как указывает Ю. К. Щеглов, был открыт в Москве в 1927 году на территории Донского монастыря и считался одной из туристических достопримечательностей новой Москвы (Щеглов Ю. Романы Ильфа и Петрова. Т.2//Wiener Slawistischer Almanakh. Wien, 1991. Sb.26/2. S.433). Ср. знаменитый диалог Корейко со швейцаром об «огненном погребении» в «Золотом теленке» И. Ильфа и Е. Петрова, который был перенесен туда из рассказов о Колоколамске (1929).
- 4 Цвелев В. Лес//На берегу Москвы. М., 1964. С. 35–36.
- 5 Цвелев В. Лес//Молодая гвардия. 1930. № 23. С. 52.